

его и Лыцарем знали. Хотится ¹⁾ ли кому суда и расправы искать— тот спешит к Лыцарю или идет к нему с другой какой потребой. Стоит только здукнуть в небольшое окно его пещеры и Лыцарь тотчас выходит. Мы уже сказали, что чудеса он творил, его все боялись; ну словом, как теперь боялся в уездном городе набольшего. Особливо, как словно лихоманка трясет такого человека, о котором Лыцарь узнает недоброе—тотчас голова долой и поминай, как звали. Лучше не попадайся. Но пока этого еще не было, а так из милосердия кому отпустит палашем несколько ударов, тот и помнит долго и долго. Ссор и драки Лыцарь не терпел, а требовал, чтобы все рыляне жили мирно и дружно, чтобы их старшины взятки не брали, когда собираются на дело, меньше бы ковшием брагу мешали, на базаре бы купцы никого не обманывали, бабы и девки смотрели бы за хозяйством, а не сплетничали и не часто бы предавались разным пляскам. Вот к этому то Лыцарю-пустыннику и явился наш Иван Жигалка. „Не вели казнить, вели миловать, говорит он, я к тебе с жалобой на чорта, через него совсем обнищал; сети путает, проезду не дает. Помогни! Избавь от него!“

— „Ох, уж вы мне с этим чортом, говорит Лыцарь, вечно возитесь! Ну, пожалуй, я готов уладить это дело, только тебе и чорту надо предо мной самим явиться: тогда поди и приведи чорта, ты знаешь, где он живет. Дело будет сделано“.

И точно, суд Лыцаря, каков бы ни был, а нравился всем в то время . . . ведь еще это до Шемяки было, да и сам Шемяка ²⁾ жил и судил в Рыльске—нравилось тоже.

Поклонился мужик до земли Лыцарю и пошел лесом и думает думу: как бы ему увидеть чорта и как бы его привести к Лыцарю.

Известно, что чорт всегда легок на помине. Он сидит себе на дубу, да в Ивана желудями бросает. Взглянул Жигалка наверх и узнал своего косматого знакомого. „Слезай, закричал ему Иван, за тобой иду, пойдем на суд, на расправу к Лыцарю-пустыннику!“.

—Изволь, говорит косматый, знаю, что ты успел пожаловаться,—и затем свалился с дуба, как пень какой.

Тут Жигалка рассмотрел его получше и даже признал за одного парня, которого не раз видел, как рылянкам орехи носил и от тех орехов у них зубы как уголь становились; да тут он все вспомнил . . . вспомнил и то, как молодые бабы и девки около того парня увивались, да как и самого Жигалки жена—старуха полулюновать мужу не хотела дать, а на того парня загляделась и борщ пролила. Дура не знала, что на чорта смотрит. А сам Иван Жигалка, пристально смотря в лицо приятеля, думал так: что ж? рожа то у него ничего не длинноват, да волос на голове много, козья борода, рыжеват, ножки на копытцах—все это еще ничего; зато одеждой еще и щегольнуть может, так вот чорт-от какой. А мы дураки думаем, что он с рогами, может они и есть маленькие—из под колпака не видно....

Идут этак они. Мужичек едва за чортом поспевает; тот ножка с ножки попрыгивает, молодцом подается вперед, а мужик с лица пот вытирает, кряхтит и едва за нечистым поспевает. „Ух! говорит, не догонишь тебя“, а не знает того, что человек и чорта перегнал...

¹⁾ В Рыльске говорят: хотится, вместо хочется; здукнуть—вместо стукнуть.

²⁾ Этого Шемяку (XIII в.) не следует смешивать с Шемякою, святым Юрием Галицким, братом Василия Косого.